

ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ

ТАНЯ САВИЧЕВА. ДЕВЯТЬ СТРАНИЦ*

Этот очерк – самый короткий и самый страшный. Потому что отчётливее всего безнадёжность и ужас войны проявляется тогда, когда гибнут ни в чём неповинные дети. Потому что не хватит сердца принять тот выбор, который в конце ноября встал перед правительством Ленинграда: снизить смертность от голода среди бойцов или спасти будущее города – детей. Выбор был сделан в пользу солдат РККА. Он понятен: не будет солдат – не будет и города, не будет и никакого будущего. Логика войны и власти диктовала безжалостные условия.

“Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба:

- рабочим и ИТР 250 г;
- служащим, иждивенцам и детям 125 г;
- частям первой линии и боевым кораблям 500 г;
- лётно-техническому составу ВВС 500 г;
- всем остальным воинским частям 300 г” (Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00409).

Выбор этот можно понять, но нельзя принять.

Дневник Тани Савичевой, девять страниц, написанных размашистым детским почерком в маленькой записной книжке, оставшейся от сестры, стал символом Блокады, её бесконечной болью, незаживающей раной. Эта рана к нашим сытым и спокойным дням зарубцевалась, но она никогда не зарастёт на сердце. Такой убийственной силой обладают эти девять страниц. Он стал известен потому, что отразил в своих скупых строчках участь тысяч блокадных семей. Маленькая девочка, не умея верно, литературно оформить свои переживания, не имея места в маленьком, обтянутом шёлком блокноте, закричала на весь мир своими простыми словами. И мир содрогнулся от этого крика.

“Этот небольшой блокнотик, подаренный братом Леонидом (Лёкой) сестре Нине, служил рабочим справочником чертёжника-конструктора. Половину его страниц Нина заполнила данными котловой арматуры: задвижек, клапанов, вентилях, а другая половина этого самодельного справочника, с алфавитом, оставалась чистой. Этой незаполненной алфавитной части записной книжки и суждено было стать скорбным дневником, в котором синим карандашом сестры Таня делала ставшие бессмертными записи”¹.

* Очерк Д. Филиппова включён в книгу “Битва за Ленинград”, которая выходит в издательстве “Молодая гвардия” в серии ЖЗЛ.

Появившийся в конкретном месте в определённое время, будучи связан крепче канатных узлов с трагедией миллионов советских людей, дневник Тани Савичевой стал легендой, знаменем, практически мифом. За ним простому обывателю уже сложно увидеть обычного ребёнка, который умел смеяться, любил музыку, радовался успехам в школе, не всегда слушался маму, обожал своих старших братьев и сестёр, — словом, жил обычной жизнью маленького человека одиннадцати лет от роду. Наверняка, ей уже нравились мальчишки тем первым робким детским чувством, в котором ещё нет ничего пошлого, а только чистая симпатия и учащённое сердцебиение при мыслях о предмете воздыхания. Возможно, она нравилась мальчишкам той же самой детской симпатией. Об этом мы уже никогда не узнаем.

Таня была восьмым, самым младшим и любимым ребёнком в семье Николая Родионовича Савичева и Марии Игнатьевны Фёдоровой. У Тани было две сестры — старшие Евгения и Нина, а также два старших брата — Леонид (“Лёка”) и Михаил. Ещё трое детей Савичевых умерли в младенческом возрасте от скарлатины до рождения Тани.

Семья была большой и дружной, было в ней что-то от дореволюционной традиции купеческих семей: совместные чаепития, музицирование, поездки летом на дачу.

Николай Родионович по современным понятиям был мелким предпринимателем. В 1910 году он вместе с братьями открыл “Трудовую артель братьев Савичевых”. При артели также были открыты пекарня и булочная-кондитерская, располагавшиеся на 2-й линии Васильевского острова в доме № 13/6. На предприятии трудился сам Николай Родионович с женой Марией и трое братьев: Дмитрий, Василий и Николай.

В этом же доме Савичевы и жили. В одной квартире — семья Николая Родионовича и Марии Игнатьевны, этажом выше — брат Дмитрий с женой Марией Михайловной и два брата-холостяка — Василий и Алексей. Удивительно, как в послереволюционное время семью не расселили, но всё же каток репрессий коснулся и Савичевых.

В 1935 году артель братьев Савичевых как пережиток нэпа была ликвидирована. “Дядя Вася — человек разносторонне образованный — стал директором магазина “Букинист” на Петроградской стороне, а дядя Лёша до пенсии работал заводским снабженцем. Только отец Тани Николай Родионович до конца своей жизни оставался непревзойденным мастером хлебопечения. За свою коммерческую деятельность... попал в ту пору в категорию “лишенцев” и был выслан с семьёй из города (за 101-й километр под Лугу. — Д. Ф.). Правда, вскоре решение о высылке семьи было пересмотрено, и они смогли вернуться в Ленинград, в свою квартиру, но без отца. В 1936 году Николай Родионович приехал сюда на лечение уже безнадежно больным, будто предчувствовал свой печальный конец. 5 марта его не стало, он умер от рака”².

Тане было 5 лет, это была первая смерть близкого ей человека.

Дата рождения самой Тани обросла мифическими предположениями. Мария Игнатьевна, мать Тани, на последнем месяце беременности отправилась к своей сестре Капитолине, которая жила в деревне Дворищи Новгородской области. Марии был уже 41 год, и она опасалась осложнений при родах, а муж её сестры был врачом, и на его помощь она очень надеялась. В Ленинград она вернулась, когда Тане уже было несколько месяцев.

Первая возможная дата рождения — 25 января 1930 года. Она встречается во многих источниках и удивительным образом совпадает с Татьяниным днём, больше известным сегодня, как День российского студенчества. Другая возможная дата рождения — 23 февраля 1930 года, вероятно, подгонялась исследователями ко Дню основания РККА. И, наконец, 23 января 1930 года. Лилия Маркова в своём исследовании отсылает нас именно к этой дате.

Воспоминания Лилии Марковой, лично знавшей Танину сестру Нину, являются одними из самых достоверных исследований биографии Тани Савичевой. Будем придерживаться этой даты, хотя для мифа куда больше подходит Татьянин день.

Итак, родилась Таня Савичева 23 января 1930 года в большой семье. Квартира в доме № 13 по 2-й линии Васильевского острова — самая обычная для предвоенных времён. Никаких излишеств. “Кровать с никелированными шарами на высоких спинках отгорожена гигантским буфетом и трёхстворчатой ширмой. Сам буфет с резными дверцами и бесчисленными ящичками

разделяет комнату на две части: спальню и гостиную. Ширма красного дерева с узорчатыми стеклами – сбоку”³. Раздвижной стол, на котором обычно лежали музыкальные инструменты: “гитары, банджо, балалайка, мандолина. Мандолина итальянская, с инкрустацией, на ней Лёка играет”⁴. Ещё “в доме было множество статуэток из фарфора, керамики, стекла, деревянных и металлических. Пастушки с ягнятами, мальчики со свирелями, собачки, птицы, котята в корзинках, девичьи фигурки в кринолинах и даже большой, полуметровой высоты рыцарь... Все Савичевы, конечно, знали про бабушкину слабость”⁵.

Когда началась война, Савичевы, как и все остальные, не понимали, к каким последствиям она приведёт. Все были готовы “бить врага на его территории”. Тем не менее, и Лёка, и дядья отправились записываться добровольцами. Лёку не взяли из-за зрения, дядьев – по возрасту, хотя у Василия Родионова был боевой опыт участия в Первой мировой, даже награды имелись.

Жизнь семьи, как и жизни миллионов советских граждан, круто переломилась.

Женя, старшая сестра, работала в архиве Невского машиностроительного завода, но, помимо работы, регулярно сдавала кровь для раненых. Она жила не со всеми, а в квартире на Моховой, оставшейся от первого мужа Юрия. Жизнь с ним не сложилась, развелись. Мама как лучшая швея была отправлена на производство военного обмундирования. Сама Таня помогала очищать чердаки от мусора, собирала стеклянную тару для изготовления зажигательных смесей.

Ещё одна сестра – Нина – работала на том же заводе, где и Женя, только в конструкторском бюро. А после начала войны была мобилизована на оборонные работы. Помогала рыть окопы в районе Рыбацкого. А дядья – Василий и Алексей – работали в службе противовоздушной обороны. Брат Леонид работал строгальщиком на Адмиралтейском судостроительном заводе, средний брат Михаил – слесарем-сборщиком.

Отпуск в июне 1941 года семья Савичевых собиралась провести в селе Дворищи, там, где Таня и родилась 11 лет назад. 21 июня первым уехал Михаил. Никто тогда не знал, что они видят друг друга в последний раз. Возможно, это обстоятельство спасло ему жизнь. Или погубило жизнь всей семьи. Блокадные судьбы переплетались порой причудливо, выпукло и выводили в жизнь или в смерть с совершенно неожиданных сторон.

Если взглянуть в толщу времён, то можно увидеть молодого парня, который одной рукой держит лёгкий фанерный чемодан, а другой обнимает мать, младшую сестрёнку. Нина и Женя на работе, с ними он попрощался с вечера. Лёка поедет провожать его на вокзал. Через две недели после дня рождения бабушки семья планирует воссоединиться. Они машут ему рукой, желают лёгкой дороги, Таня просит, чтобы он взял её на рыбалку, на Вельское озеро. Почему на рыбалку? Откуда взялась такая ассоциация? Девочки должны играть в куклы, в дочки-матери... Сохранилось фото, сделанное за несколько дней до начала войны. Одиннадцатилетняя Таня Савичева с младшей племянницей Машей Путиловской стоят на берегу реки, закрываются трепичными зонтиками от палящего солнца. На Тане платье в горошек, а взгляд... усталый какой-то, вымученный. Вот потому что река, солнце, лето – поэтому обязательно должна быть рыбалка. И Миша конечно же обещает сестре:

– Об-б-бязательно порыбачим. – Михаил с детства заикается.

Поезд на Кингисепп отправлялся вечером. Вышли проводить Михаила. Полный чемодан продуктов, узелки, котомки: мука, макароны, хлеб... С продуктами в Дворищах небогато. Очень скоро такая поклажа в Ленинграде станет на вес золота.

На вокзал Мишу провожал только Лёка. Таня с Василием Родионовичем дошли до трамвайной остановки у моста Лейтенанта Шмидта.

Трамвай шестого маршрута “Кондратьевский проспект – Балтийский вокзал” подошёл почти сразу же. Михаил взбирается на подножку, укладывает багаж. Двери уже закрываются, но он успевает махнуть рукой на прощание. Вот этот взмах и есть та точка, определившая жизнь одного и смерть других.

Трамвай уезжает, увозя брата навсегда, а в воздухе тает лишняя хлебная карточка рабочего.

250 граммов хлеба с ноября по декабрь 1941 года.

Михаил ехал в деревню Дворищи, раскинувшуюся у Вельского озера вблизи древнего города Гдова. Путь недолгий, но сложный. Сначала на поезде до Кингисеппа, потом десять километров полями и лесами: где пешком, где на подводе. Когда-то там жили бабушка с дедушкой, остался их рубленый дом-пятистенник, а неподалёку – построенный отцом в конце 20-х годов новый дом, семейный, основательный. В этом новом доме и родилась Таня. «В Дворищах живут дяди: дядя Гриша (Григорий Родионович) и дядя Гаврюша (Гавриил Родионович) – братья отца, и тётя Капа (Капитолина Игнатьевна) – мамина сестра»⁶. Семейное гнездо, не дворянское, но со своей историей и традициями. Дед Тани Савичевой Игнат Фёдоров когда-то был направлен из Петербурга в Дворищи, был рабочим-металлистом, участником революционного подполья. Их семья Арсеньевых-Фёдоровых также была большая, порода – русая, сероглазая. Отец Тани в Дворищах и повстречал Марию Игнатьевну, там и пожениться, и жили какое-то время, туда и приезжали на лето.

«Дворищи очень быстро оказались на оккупированной гитлеровцами территории. Михаил ушёл к партизанам в лес. В январе 1944 года в одном из боёв был тяжело ранен и отправлен на лечение в Ленинград, освобождённый уже от гитлеровской блокады. А через полгода он вышел из госпиталя инвалидом, на костылях»⁷. Семьи уже не было. Все умерли. Дом стал чужим, в квартире жили другие люди. Михаил «уехал в Дворищи к тёте Капе, но в сентябре 1944 года навсегда перебрался в шахтёрский город Сланцы Кингисеппского района, работал там на почте. Михаил Николаевич Савичев умер в 1988 году. Похоронен в городе Сланцы»⁸.

В 12:15 22 июня 1941 года по радио объявили о начале войны.

Лёку, как уже говорилось выше, в армию не взяли из-за зрения – сильная близорукость с самого детства. Из-за этого – крест на любимом футболе, на профессии и карьере радиста-полярника, о которой молодой парень страстно мечтал. Белый билет. Негоден. Было ему 24 года. Он остался работать на родном судостроительном заводе, в срочном порядке переведённом на военные рельсы.

В конце июля и в августе, вплоть до 8 сентября, началась эвакуация жителей. Достоверно ответить на вопрос, почему семья Тани не эвакуировалась из Ленинграда, когда была такая возможность, наверное, нельзя, но с большой долей вероятности можно предположить следующее. Большей частью эвакуировались те семьи, в которых один из родителей работал на предприятии, подлежавшем эвакуации: в экстренном порядке перевозили за Урал заводы, фабрики, лаборатории, НИИ, музейные экспонаты. Соответственно, предприятия эвакуировались вместе с работниками и членами их семей. При этом не было запрета на эвакуацию остальных жителей. Каждая семья решала этот вопрос самостоятельно.

Во многих современных исследованиях истории блокады повторяется мысль, что фактически население было предоставлено само себе. Оно должно было для себя решать, эвакуироваться ему или нет. Это утверждение не соответствует истине. И поскольку во многих источниках эта мысль повторяется из раза в раз, необходимо остановиться подробнее на этом вопросе, чтобы раз и навсегда поставить точку в манипуляциях недобросовестных исследователей.

Первые решения об эвакуации детей были приняты уже 22 июня. В первую очередь стоял вопрос вывоза детей из летних лагерей и дач, которые попали в зону боевых действий: «Эвакуация началась вечером 22 июня 1941 г. По всем районам за исключением пригородов (Кронштадт, Колпино, Петергоф и Пушкин) были выделены уполномоченные, которые вечером 22/VI и выехали на автомашинах за детьми. В течение 3-4 дней дети были вывезены из опасной зоны»⁹.

По решению бюро горкома и обкома ВКП(б) 27 июня была создана Ленинградская городская эвакуационная комиссия, председателем которой стал Б. М. Мотылёв. «Первоначально предполагалось, что комиссия займётся всем комплексом вопросов, связанных с вывозом населения, учреждений, оборудования предприятий, военных грузов и других ценностей. Но огромный объём работы сразу внёс существенные коррективы. В тот же день, 27 июня Ленгорисполком создал комиссию (председатель Е. Т. Фёдорова) по размещению и эвакуации граждан, прибывающих в Ленинград из районов, оказавшихся под угрозой оккупации (Карелии, Прибалтики, позднее – Ленинградской

области). А 28 июня Военный совет Северного фронта назначил своим уполномоченным по эвакуации председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова, в июле он возглавил Правительственную комиссию по эвакуации, занимавшуюся, главным образом, вопросами вывоза промышленных предприятий¹⁰. Все трое будут репрессированы по Ленинградскому делу в 1949 году. Попкова расстреляют.

Эвакуация жителей Ленинграда проходила в несколько этапов. В первую очередь вывозили детей. 29 июня 1941 года согласно постановлению Ленгорисполкома "О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области" началась эвакуация детских образовательных учреждений. По плану предполагалось вывезти 390 тысяч детей и сопровождающих. Также были приняты постановления "О мероприятиях по медицинско-санитарному обслуживанию населения в пути" (14 августа) и "Об уполномоченных по эвакуации женщин и детей в области и автономные республики" (17 августа). Возможно, из-за неудач при планировании эвакуации эти распоряжения не были опубликованы. 29 июня из города отправились десять эшелонов, в которых находились 15 192 ребенка. Предполагалось размещать детей в летних городских лагерях и базах отдыха на юге Ленинградской области, куда и смещалась от западных границ линия фронта. Из-за стремительного продвижения немецких войск 170 тысяч детей были привезены обратно в Ленинград. "В Отчёте Ленгорно в Плановый отдел Ленисполкома указывается, что общее число вывезенных таким образом на 6 июля 1941 г. из Ленинграда детей составило 234 833 человека. Из них горно вывезено 211 766 детей. [...]"

Эвакуация такого большого числа детей с небольшим количеством сопровождающих не могла не вызвать серьёзные организационные трудности. Исправлению недостатков в организации эвакуации был посвящён приказ наркома просвещения РСФСР "О наведении порядка по обслуживанию школьников (Мосгорно, Ленгорно в эвакуации. — Л. Г.)" (Пр. № 547 от 17 июля 1941 года), а затем Инструкция № 01-1-5/55 от 20. VIII. 1941 г. "Об эвакуации детей и матерей" Наркомата здравоохранения СССР. В то же время важнейшим вопросом стало финансирование нахождения детей в эвакуации. 19 июля 1941 г. было опубликовано постановление Ленгорисполкома "О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда", Пр. № 48, п. 7, к которому прилагалась Инструкция для управляющих домами (комендантов), согласно которой средства за содержание в интернатах, в размере от 25 до 210 рублей в зависимости от дохода на одного члена семьи, собирались с родителей через специальные инкассаторские пункты и сдавались в городскую контору Комбанка на текущий счёт общегородского бюджета № 2740 в течение пяти дней со дня выхода Постановления¹¹.

Наверное, и это решение о финансировании было не самым удачным. Не каждый родитель, во-первых, отпустит своего ребёнка одного с чужими людьми неизвестно куда. Во-вторых, взимание платы наверняка отпугнуло многих небогатых родителей, решивших, что проще прокормить детей самостоятельно. Среднемесячная зарплата штатного работника дошкольного детского дома, к примеру, составляла 192 рубля в месяц¹². В-третьих, никто до конца не верил, что город Ленина вот так вот, за несколько месяцев будет отрезан от Большой земли, что Гитлер примет решение блокировать Ленинград, уморить голодом жителей и защитников. В такой ход событий здравомыслящий советский человек поверить просто не мог. Хотя слухи о зверствах оккупантов доходили и до Ленинграда от тысяч беженцев, спасавшихся в городе от войны.

После 6 июля была разрешена эвакуация детей с матерями, но к этому времени уже возникли непреодолимые трудности транспортного характера. С 9 июля было закрыто движение поездов до Пскова, с 19 июля — до станции Дно, 14 августа была закрыта станция Луга, а с 27 августа, после захвата немцами Мги, эвакуация по Октябрьской железной дороге прекратилась. Всё происходило стремительно, в считанные дни и недели, поэтому понять, какое количество детей было всё-таки эвакуировано из Ленинграда, можно только сравнив финансовые документы горно за 1941 год. Средства на эвакуацию детских учреждений проходили именно по его линии. По "Заключительному балансу по бюджетным и внебюджетным средствам Ленинградского горно на 1 января 1942 года" 768 700 рублей были закрыты как расход на эвакуацию, что соответствует расходу примерно на 76 870 детей¹³. Однако

в балансе отражена дебиторская задолженность 226 300 рублей (дебиторы по эвакуации детских учреждений), возникшая в результате отсутствия отчёта по расходам на эвакуацию около 22 600 детей. Это может говорить либо о хищении в особо крупном размере, либо о том, что 22 тысячи детей... пропали без вести.

Трагедия первой волны эвакуации детей Ленинграда становится понятной из воспоминаний Ады Евгеньевны Милеант, работавшей в 1941 году старшим инспектором отдела образования Приморского района: «События на фронте развернулись так быстро, что поезда с детьми попадали под жестокую бомбёжку фашистского зверья, горели целые составы поездов, гибли взрослые, сопровождавшие детей. При первой эвакуации Приморского района погибли заведующие детскими интернатами Мария Васильевна Опарина и её дочь, Рыжкова Наталья Михайловна, Хомякова Елена Владимировна. Заведующая интернатом Полина Захаровна Бляхер сумела вынести из горящего вагона всех детей, но не вынесла только свою трехлётнюю внучку, которую считала вправе спасти лишь в самую последнюю очередь...»¹⁴

«По официальным данным Городской эвакуационной комиссии (ГЭК), за 1941 г. было вывезено из города в 1941 г. всего детей: 219 691, вместе с сопровождающими взрослыми. По данным Ленгороно, из вывезенных летом 1941 г. с детучреждениями 234 833 чел. (с коррекцией 235 123) было реэвакуировано в город 130 000 человек»¹⁵.

Решение об эвакуации трудоспособного населения было принято гораздо позже, а именно 7 июля 1941 года. ЦК ВКП(б) запланировал вывоз из Ленинграда совместно с предприятиями 500 тысяч членов семей рабочих и служащих. Но события развивались столь стремительно, что уже 10 августа перед Ленгорисполком была поставлена задача о вывозе 400 тысяч человек, а 13-14 августа — еще 700 тысяч. Все эти планы были осуществлены в минимальном объёме, а по сути, остались на бумаге: 27 августа железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано.

«По данным Городской эвакуационной комиссии до начала сухопутной блокады из города выехали 488 703 ленинградца и 147 500 жителей Прибалтики и Ленинградской области»¹⁶.

Наверное, необходимо было предусмотреть для эвакуации более отдалённые регионы страны. Наверное, необходимо было начать эвакуацию раньше. Наверное. Знал бы где падать, соломку бы подстелил. Нерешённые вопросы по эвакуации населения Ленинграда ещё ждут своего исследователя. Но говорить, что Ленгорисполком не занимался организованным вывозом населения из города, — это просто демонстрировать собственную некомпетентность.

Атмосфера в городе очень быстро менялась. От залихватского «бить врага на его территории» не осталось и следа.

«Белые ночи кончились, но фонари не зажигались. С заходом солнца город погружался в настороженную темноту. Все окна были перечёркнуты бумажными крестами, плотно зашторены, ни один лучик не пробивается.

Автомобильные фары закрыли щитками с узкими щелями, в трамваях и троллейбусах тлеи подслеповатые синие лампочки...»

Магазинные полки опустели, исчезли даже банки с камчатскими крабами, которых до войны и за еду не считали. С мясом и маслом трудности, но овощей у зеленщиков и на рынках полным-полно и очереди в булочную не очень длинные»¹⁷.

Голода ещё нет, но его предчувствие бродит по Городу, свистит гулким ветром на Неве. Нина продолжает работать на рытье окопов в Рыбацком. Враг уже рядом с Колпино, его артиллерия бьёт по окраинам Ленинграда, появляются первые убитые, раненые.

«В Румянцевском саду военный бивак: машины, повозки, фургоны; стреноженные кони; солдаты вокруг жарких костров; дымят полевые кухни, котлы на колёсах.

В бывшем Кадетском корпусе теперь госпиталь. У главного входа всегда толпится народ, ищут своих, показывая фотокарточки, называя фамилии сыновей, братьев, отцов ходячим раненым: «Не встречали?»

Какой-то нерадивый обозник-фуражир, проезжая по набережной, рассыпал овёс. Дикие голуби и воробьи подбирали зерна, сыто гулькали, чирикали весело. Всё — как всегда, но и сам Город построжел, переделся в полевую форму.

Золочёные шпильки и шлемы замазаны маскировочной краской, Адмиралтейская игла зачехлена мешковиной, купол и ротонда Исаакиевского собора сделались похожими на каску с шишаком.

Медный всадник ограждён деревянным саркофагом, обложен снизу мешками с песком. Защищены многие статуи, а клодтовские кони покинули Аничков мост, зарылись в землю. Только сфинксы из древних Фив по-прежнему открыты на своих местах¹⁸.

Первый массированный налёт немецкой авиации состоялся 6 сентября. Сотни самолётов заполнили небо. Город бомбили жестоко, планомерно, бездушно. Через сутки налёт повторился. Таня вместе с семьёй привыкала спускаться в бомбоубежище. Под рукой всегда сумка с документами, продовольственными карточками, запасом продуктов. Очень скоро этих запасов не станет.

Телефонную связь в квартире Савичевых отключили 16 сентября.

Тем не менее, в конце октября возобновились занятия в школе. Ленгори-сполком принял решение открыть 103 школы. Таня Савичева ходила в школу № 35 по Кадетской линии: до неё от дома всего 5–10 минут. Она перешла в 4-й класс, училась прилежно. Класс её был на третьем этаже, сейчас там музей её памяти.

Норма выдачи хлеба детям была снижена до 200 граммов. Голод крадётся неспешно. Он ещё не сводит с ума, но ощущение вечной несытости становится привычным. А в школу... В школу ходят ещё и потому, что там дают тарелку супа.

Обучение в блокадном Ленинграде — это отдельная тема для исследования. Достаточно сказать, что редкий урок не прерывался сиреной, оповещающей о налёте немецкой авиации или артобстреле. К этому быстро привыкли. Без паники и суеты школьники вместе с учителями спускались в бомбоубежище, и урок продолжался под гул вражеских самолётов и разрыв снарядов. Учителя писали два плана урока: для нормальной работы и на случай бомбёжки.

В декабре 1941 года в большинстве школ занятия прекратили совсем, но 39 ленинградских школ продолжали обучение. Урок длился не более 25 минут, записей голодные дети не вели, да и при желании не смогли бы этого сделать: классы не отапливались, поэтому чернила просто застывали в чернильницах-непроливайках.

В ноябре разбомбили здание общежития Академии художеств. Дом был как раз напротив дома Тани Савичевой. Случайность уберегла в тот раз. Зачем? Пусть это прозвучит жестоко, но лучше умереть сразу под завалами со всей семьёй, чем видеть, как уходят твои близкие, чем понимать, что ты осталась совсем одна. Но Город уже отметил эту девочку своей тяжёлой десницей и вёл по своим улицам, охраняя от людоедов, отводил бомбы. Ради девяти страниц маленькой записной книжки, которым суждено было войти в историю.

Тринадцатого ноября в очередной раз снизили норму хлеба: 300 граммов рабочим, 150 — детям и иждивенцам.

Шестнадцатого ноября в доме Савичевых отключили центральное отопление и водопровод.

У Савичевых пропал кот Барсик. В городе тут и там встречаются объявления: “Куплю собаку”.

Город в условиях блокады старался изыскать внутренние резервы.

“С пивоваренных заводов увезли солод и дрожжи, у интендантов отняли лошадиный корм — овёс, на кожевенных фабриках изъяли опойки, шкурки молодых телят. В торговом порту обнаружили тысячи тонн жмыха подсолнечника, в мирное время его сжигали в паровозных топках. Соскребли многолетнюю производственную пыль со стен и потолков в мельничных цехах, вытряхнули, выбили каждый мешок из-под муки и круп.

Ячменные и ржаные отруби, хлопковый жмых и шроты — выжимки сои, кукурузные ростки и проросшее зерно, поднятое водолазами со дна Невы из затонувших барж, — всё, что годилось или могло сгодиться в пищу, взяли на строгий учёт и под охрану¹⁹.

И всё же массового голода ещё не было. Люди гибли от обстрелов артиллерии и авианалётов. А потом...

Двадцатого ноября вновь снижена норма выдачи хлеба: 250 граммов рабочим и 125 — детям и иждивенцам. Эта норма продержится целый месяц до 25 декабря.

И вот тогда пришёл Голод.

Самое безопасное и тёплое место в квартире – кухня. Окна выходят во внутренний двор-колодец, нет нужды закрывать их фанерой. Вероятность попадания бомбы в колодец двора практически нулевая. Дядя откуда-то раздобыли буржуйку. Савичевы решили жить вместе, питаться вместе – одной большой семьёй. Им казалось, что так легче обмануть смерть.

Водой приходилось запасаться впрок. Хорошо только дворнику: у него в дворницкой жилконтора поставила бак-кипяtilьник. Теперь там всегда тепло и есть горячая вода. Кипяток продаётся с часу до трёх дня по одному литру на человека: 3 копейки за литр. Если выпить много горячей воды разом, то на какое-то время можно обмануть голод. Но такое злоупотребление приводит к водянке: начинают распухать руки и ноги, лицо становится отёчным, как с похмелья.

По официальным данным, в ноябре от голода и бомбёжек в Ленинграде умерли 11 085 человек, из них 2012 детей в возрасте до 1 года. В декабре – 52 881 человек, детей до года – 5959...

Савичевы живут вместе... кроме Жени. Та по-прежнему ходит на работу из своей квартиры на Моховой. Её норма служащей такая же, как у Тани, – 125 граммов. Объяснение здесь только одно: она не хотела обременять семью своим присутствием, своим лишним ртом, как бы грубо это ни звучало!

На улице –30, отопление не работает, стоят трамваи, заметённые снегом. Люди бредут медленно, как тени из загробного мира, и это не фигура речи. Присаживаются в сугроб, чтобы отдохнуть несколько минут, и больше не встают никогда. Трупы свозят на пустырь возле Пискарёвки. Там ещё в 1939 году появилось кладбище – хоронили солдат, погибших на финской войне. Земля мёрзлая, рвы взрывают динамитом. И штабеля трупов вокруг.

Жене всё хуже.

Первую запись в блокноте Таня сделала 28 декабря. Умерла сестра Женя. Умерла в своей квартире на Моховой. За несколько дней до смерти её навещала мать, Мария Игнатьевна. Женя уже не выходит на работу. Просто лежит на кровати, закутавшись в ворох одеял и пальто. Сил нет, чтобы затопить буржуйку. Сил нет, чтобы отovarить карточки. Взгляд её безумен. Мать топит печурку обломками стульев, греет чай. Женя привстаёт, пьёт горячую жидкость, взгляд её не теплеет. Три дня назад увеличили норму выдачи хлеба на 50 граммов, но её это уже не может спасти. Когда через несколько дней Нина вновь приходит навестить сестру, та угасает у неё на руках. Часы. Настенные. С боем. Время – 12:30.

Когда маленькой одиннадцатилетней девочке приходит мысль вести отчёт смертям в блокноте? Когда и почему? Это не дневник в полном смысле этого слова. В нём больше нет никаких других записей. Только фиксация смерти.

Таня достаёт из шкафа тоненький блокнот, берёт синий карандаш и пишет: **“Женя умерла 28 дек. в 12.30 час утра 1941 г”**. Немного думает и подчёркивает имя сестры: **“Женя”**. Это будет первое и единственное подчёркивание в её дневнике. Буквы неровные, но ещё такие, как учили в школе по прописям: вензель над буквой “т”, в букве “р” орфографический крючок. Потом письмо станет небрежнее, жёстче, и “т” превратится в “т”, “р” станет кружочком с чёрточкой.

Одиннадцатилетняя девочка вдруг решает писать некролог собственной семье. Эту мысль нам надо вместиť в наше светлое и спокойное настоящее и понять простую вещь: сам Город пишет свою короткую и страшную летопись Таниной рукой. Потому что на девяти страницах блокнота – вся летопись ленинградской блокады!

Карточки умерших полагалось сдавать вместе с другими документами, иначе не выдавали свидетельства о смерти. Смерть Жени скрывали два дня, получая за неё хлеб. Так делали многие ленинградцы в то время. Мёртвые с того света помогали живым. Женю похоронили на Смоленском кладбище, там же, где лежали отец Николай Родионович и умершие от скарлатины брат и две сестрёнки.

В первых числах января Таня получила пригласительный билет на Новогоднюю ёлку. Ленгорисполком на заседании от 23 декабря 1941 года протоколом № 57 п. 33 утвердил проведение в Ленинграде Новогодних ёлок для детей. Были привлечены средства профсоюзов в размере 60 тысяч рублей. Обеды обеспечивал Ленглавресторан, подарки для детей – отдел торговли

Ленгорсовета. Стоимость ёлки для детей составляла 5 рублей, при этом были предусмотрены бесплатные билеты для семей военнослужащих, пенсионеров и остро нуждающихся²⁰. Обед – горячая чечевичная похлёбка, макароны с котлетой, хлеб и желе. Подарки – несколько шоколадных конфет и мандарин. История о том, как мандарины попали в блокадный Ленинград, обросла многими домыслами, подробностями. Но на самом деле всё было просто и буднично, как на войне. Полуторку с мандаринами доставил по льду Ладожского озера водитель Максим Твердохлеб.

Двадцать четвёртого января 1942 года прибавили ещё 50 граммов к суточной норме хлеба. Это был праздник для всех Савичевых. Но длился он недолго. На следующий день умерла бабушка Тани, Евдокия Григорьевна, но в свидетельстве о смерти стоит дата 1 февраля. Почти неделю Савичевы пользовались её хлебной карточкой. И жили в одной квартире с покойницей. Таня вновь открыла записную книжку, нашла букву “Б” и записала: **“Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.”**. Это вторая запись в её блокноте. Боялась ли Таня на него глядеть? Брала ли в руки в другие дни и часы? Или прятала в ящик комода и старалась забыть о нём, не думать, вычеркнуть из памяти, из настоящего? Я пытаюсь поставить себя на её место. Этот блокнот должен жечь руки. Это не дневник. Это могильная плита. Книга мёртвых. Но Таня находит в себе силы делать в нём записи.

Очередная прибавка блокадной нормы хлеба 11 февраля довела её до всеобщей: рабочим – 500, служащим – 400, иждивенцам и детям – 300. Но дистрофия у тысяч людей уже была необратимой.

Со смертью бабушки дом обезлюдел. Дядья жили у себя в квартире этажом выше, Савичевы продолжали ходить друг к другу в гости, но пустоту уже было не спрятать.

В феврале 1942-го пропала Нина. Ушла на завод и не вернулась. Таня так и не узнала, что завод, на котором она работала, вместе с сотрудниками в срочном порядке эвакуировали. У неё не было времени и возможности сообщить об этом семье. Получается, пропала без вести. Как это бывало в Ленинграде сплошь и рядом. Умирили в сугробах, на производстве, просто пропадали без следа... Но Таня не знала об этом доподлинно, она не видела её тела, ей никто не сообщил о смерти. И она не сделала в своём блокноте никакой записи по поводу Нины. Это может показаться странным, но если сам Город писал рукою девочки, то Город же и давал надежду. Сделать запись – это как вынести приговор. И Таня не трогает свой страшный блокнот.

“Чудо готовилось долго. В феврале начали расчищать трамвайные пути и срывать оборванные провода. Но всё равно трудно было поверить, что замёрзшие на проспектах и улицах вагоны придут в движение. И вот 5 марта от Технологического института проехал по Загородному грузовой трамвай, а после воскресников и субботников пошли пассажирские поезда”²¹. Город боролся. И люди боролись, не сдавались.

О смерти Лёки сообщила его подруга Валя. Он умер на Судомеханическом заводе во время работы. Лёка стал первым, кого Савичевы не смогли похоронить. Его отвезла на Пискаревское кладбище похоронная команда, собиравшая трупы на улицах, в квартирах и на предприятиях.

Таня открывает блокнот на букве “Л”: **“Лёка умер 17 марта в 5 часутр в 1942 г.”** Это слитное “часутр” выбивается из общего ритма. Так пишут в лубомборочном состоянии, забывая пробелы, путая склонения и падежи.

В марте только одним трестом “Похоронное дело” похоронено 89 968 человек. Это последствия дистрофии и жуткой блокадной зимы. Первой зимы, самой страшной и самой холодной на свете.

Весну ждали с тревогой: растает лёд – прервётся Дорога жизни.

Весну ждали с надеждой: разрешат огороды, начнёт расти трава.

13 апреля умирает дядя Вася. Василий Родионович Савичев.

Город выводит Таниной рукой: **“Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.”**

Блокнот пухнет от боли.

“4 мая в Ленинграде открылось 137 школ. К учёбе вернулись почти 64 тысячи ребят. Медицинский осмотр показал: из каждых ста лишь четверо не страдают цингой и дистрофией”²².

Дистрофия продолжала уносить жизни тысяч ленинградцев. В каждом районе Ленинграда открывались столовые усиленного питания. Попасть туда

можно было лишь по направлению врача. К началу мая к ним прикрепили 100 тысяч больных.

В мае на Васильевском острове съели всю акацию. В блокноте появилась ещё одна запись: **“Дядя Лёша 10 мая в 4 ч дня 1942 г.”** Листок с буквой “Л” занят записью о Лёхе, поэтому Таня пишет на развороте. Слово “умер” она пропускает. Не из страха, не из суеверия. В этом слове больше нет необходимости. Блокнот настолько напугался смертью, что всё понятно без слов. К чему тратить лишние силы?

Уже лежит и не встаёт мама. Желудок её сохся от голода. Дистрофия достигла необратимых последствий. Это когда человек ещё жив, но его уже ничем не спасти, и счёт идёт на дни, а то и на часы.

Тринадцатого мая появляется самая мучительная запись в блокноте Тани Савичевой на странице с буквой “М”: **“Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г”**. Всё.

Голодные дети сами не встают в 7:30 утра. Поэтому точное время Таня могла знать лишь в одном случае: она заснула рядом с мамой, обнимая её, стараясь согреть, а проснулась оттого, что самый родной на свете человек вдруг стал холодным.

Трудно представить, какой личный ад ей пришлось пережить в эти минуты. Пустая квартира. За окном из громкоговорителя раздаётся привычный звук метронома, но жизни уже нет. Вот мама. Ещё вчера она пыталась говорить, улыбалась через силу, а сейчас она лежит, пустая и холодная. И не хватает дров во всём блокадном Ленинграде, чтобы её согреть.

Маму увезли на Пискаревку в тот же день. Помогла соседка Ираида Ивановна. До утра следующего дня Таня остаётся одна в своей квартире. О чём она думала? Что вспоминала? Маленькая одиннадцатилетняя девочка, оставшаяся одна на всём белом свете...

На столе лежит блокнот. Лист с буквой “Т” пока чист, не запятнан. И, наверное, в этот момент к ней приходит Город. Пахнувший Невой и промасленными канатами, болотом и порохом. Он молча указывает ей на блокнот: ещё не всё написано, не всё, надо подвести черту и поставить точку в этом некрологе.

Где смерть твоя, Город? Смерть моя в блокноте. Блокнот в ларце, ларец в девочке, девочка уже мертва, но не знает об этом. Будет смерть моя лежать за семью печатями, за семью замками, за стальными дверями в железном ящике, в хранилище. Сторожить её будут злобные собаки с Египетских берегов. И быть по сему во веки вечные до скончания мира. Пиши, девочка! Так и запиши!

Таня вновь открывает свой блокнот. Находит страницу с буквой “С” и старательно выводит слабой рукой: **“Савичевы умерли”**.

Перелистывает, находит букву “У”: **“Умерли все”**.

И последняя запись на букве “О”: **“Осталась одна Таня”**.

“Молодец, девочка, молодец, милая, — шепчет Город. — Мы с тобой крещены голодом, а значит, неразлучны теперь во веки вечные. Вспомнят меня — и тебя помянут...” Образ худого старика начинает таять в сгустившихся утренних сумерках. А был ли старик? А была ли девочка?... Дай нам, Господи, сил не сойти с ума!

На следующий день Таня “отправилась к бабушкиной племяннице — тёте Дусе... Евдокия Петровна Арсеньева жила в коммунальной квартире на Лафонской улице (дом № 1а, комната 3), которая называлась так по фамилии одной из начальниц Смольного института. В 1924 году она была переименована в улицу Пролетарской диктатуры, но горожане по-прежнему продолжали называть её Лафонской”²³. Расстояние для голодного ребёнка близкое. Но уже что-то менялось в сопротивляющемся Городе.

“Ленинградская правда” напечатала 12 апреля постановление “О возобновлении пассажирского трамвайного движения”. Началась нормальная эксплуатация пяти маршрутов. С Васильевского острова к Лафонской улице можно было доехать на трамвае двенадцатого маршрута”²⁴.

Евдокия Петровна была коренной ленинградкой. После смерти родителей в 1918 году их разлучили с сестрой Ольгой. Евдокия отправилась нянкой в деревенскую семью, а Ольгу поместили в детский дом в Царском Селе. Ещё до войны сёстры нашли друг друга и приняли совместное решение вернуться в Ленинград. Евдокия Петровна устроилась работать на слюдяную фабрику.

Вынужденная разлука сделала её характер нелюдимым, замкнутым, и дороги сестёр во взрослой жизни вновь разошлись.

Вещей с собой Таня не взяла. Исключение составила небольшая лакированная шкатулка с красивой палехской росписью, в которой хранились мамина свадебная фата, венчалные свечи, свидетельства о смерти Савичевых и... блокнот.

“С Васильевского острова тётя Дуся перевезла в свою комнату на хранение многие вещи Савичевых и взяла опекунство над Таней. Уходя на работу, отправляла её на воздух, на солнце, а комнату запирала на ключ. Нередко случалось, по возвращении заставляла Таню, спящую прямо на лестнице.

Дистрофия прогрессировала, необходимо было срочно помещать Таню в стационар. И в начале июля 1942 года тётя Дуся, сложив с себя опекунство, определила её в детский дом № 48 Смольнинского района, который готовился тогда к эвакуации в Горьковскую область”²⁵.

Об отношении тётки к Тане Савичевой мы можем почерпнуть скудную информацию из письма Василия Крылова Нине Савичевой, находившейся в эвакуации вместе с заводом.

“Дорогая Ниночка!

Какое счастье, что ты нашлась. Меня ведь, как и тебя, внезапно, прямо из цеха отправили. — Оказывается, мы совсем рядом трудились. — Потом нашу бригаду откомандировали в... В общем, вернулся нескоро, мои уже не надеялись, что живой.

Получив твоё письмо, сразу пошёл к вам и узнал от соседей, что все Савичевы умерли, а Таню забрала к себе со всеми вещами Арсеньева Евдокия Петровна. Наведя справки, пошёл на Лафонскую. Квартира в бельэтаже. Танюша спала прямо на лестнице. Тётка, уходя на работу, запирает комнату, боится за барахло.

Танюша здорово вытянулась, но очень худая и неухоженная, больная. Очень обрадовалась, что ты жива-здоровая и хорошо устроилась в колхозе. Рассказала, как вся ваша семья... один за другим. Я, как назло, забыл дома твой адрес, договорились, что принесу в другой раз, но выбраться скоро не... и хотелось поднакопить хлеба, продуктов каких-нибудь. У нас с этим... Нина! Прости, но больше я Танюшу не видел. Десятого или одиннадцатого июля тётка сдала её в детдом, сложив с себя опекунство. Очень что-то недолго оно продолжалось... Детдом срочно был... на Большую землю. Куда точно, узнать не удалось. Арсеньева Е. П. и на порог не пустила. Разговаривала так, будто я её грабить пришёл.

Ниночка, не переживай особенно! Это хорошо, что Танюшу вывезли. Сейчас идёт... Кроме того... Но мы всё равно выстоим! Думал обрадовать тебя, а вышло наоборот. Прости.

Жду в Ленинграде!

12. VI / .42 г. Твой верный... ”²⁶

Точками обозначены слова и фразы, зачёркнутые, скорее всего, военной цензурой.

Это письмо говорит нам об одной простой вещи: Таня узнала, что её сестра жива. То есть обрела хоть какой-то смысл жизни, понимая, что не одна осталась на этом свете, что есть небольшой, но шанс встретиться, воссоединиться. Что сестра узнает, не бросит и найдёт...

Во второй половине июля детский дом № 48 был эвакуирован из Ленинграда. 140 детей вырвались из блокадного кольца. Вместе с ними была и Таня. “Эшелон, в котором находились ленинградские дети, неоднократно попал под бомбёжки и только в августе 1942 года прибыл, наконец, в село Красный Бор, расположенное в 25 километрах от Понетаевки”²⁷. Детей разместили в одном из зданий средней школы, где они должны были пройти двухнедельный карантин. 140 истощённых, больных и раненых, измученных тяжёлой дорогой ребятишек выхаживало всё село”²⁸.

Таня была самым тяжёлым ребёнком из всей партии, и слово “тяжёлый” здесь не о весе. Она также была единственным ребёнком, который был болен туберкулёзом, из-за чего её не допускали к другим детям, и единственным человеком, который с ней общался, была приставленная к ней медсестра Нина Михайловна Серёдкина. Эта сердобольная женщина делала всё, чтобы облегчить Танины страдания, и через какое-то время Таня самостоятельно могла ходить на костылях, а позже передвигалась, держась руками за стенку.

Но здоровье ухудшалось. В конечном итоге, её перевезли в дом инвалидов в селе Понетаевка. Это случилось в марте 1944 года, когда уже был освобождён от блокады Город, надиктовавший ей смерть.

Дальше Тане становится только хуже. У неё обостряется туберкулёз, и девочку помещают в инфекционное отделение Шатковской больницы. Последним человеком, который ухаживал за Таней, была санитарка Анна Михайловна Журкина.

В начале 1944 года после тяжёлого ранения брата Тани Михаила Савичева переправили в госпиталь в Ленинград, уже освобождённый от фашистской блокады. Он долго и тяжело восстанавливался после ранения. Ещё находясь в госпитале, он попытался разузнать о судьбе Тани, сделал запрос во все районные центры Горьковской области. Одна добрая душа откликнулась.

“Ленинград, 9 П/Я 445, палата 20, Савичеву Михаилу

Уважаемый товарищ Савичев. Получив Ваше письмо, я спешу ответить о Вашей семье. Тани у нас нет. Она в соседнем детском инвалидном доме. Я её бывшая воспитательница и опишу о ней. Она приехала дистрофиком. Затем постепенно поправилась. 9 месяцев не вставала. Но затем у неё получилось нервное потрясение всего организма. И эта болезнь у неё прогрессировала. У неё потеряно зрение, она уже не могла почти читать, тряслись руки и ноги. А потому ей нужно было лечение, но в наших условиях это невозможно.

Ваше письмо и телеграмму я посылаю ей. Её адрес: Горьковская область, Шатковский р-н, Понетаевский д/инв. С приветом!

А. Карпова.

Открытка Карповой пришла весной. От Тани не получили ни строки. Ни весной, ни летом – никогда”²⁹.

Последствия блокады, цинга, нервное потрясение и туберкулёз окончательно подорвали её здоровье.

Таня Савичева умерла 1 июля 1944 года от туберкулёза кишечника. Ей было 14 лет. Она стала единственной умершей из всех прибывших тогда детей детского дома № 48. Перед смертью у неё невыносимо болела голова.

Похоронили её в тот же день на местном кладбище, а Анна Михайловна Журкина по велению сердца стала ухаживать за Таниной могилой. Сердобольная натура русского человека: придёт своих ушедших навестить, заодно у могилки безродной девочки посидит, сорняки вырвет, оградку подправит.

В 2000-х годах рассматривался вопрос о перезахоронении Тани: символ блокады должен лежать на Пискаревском кладбище. Но запретила перенос сестра Нина, которая до конца своих дней продолжала жить в Петербурге. В этом решении есть внутренняя правда русского человека: негоже тревожить мёртвых. Пусть всё останется так, как есть.

Нина Савичева умерла 6 февраля 2013 года в возрасте 94 лет.

На этом историю можно было бы закончить, если бы не блокнот. Его Нина нашла в той самой палехской шкатулке, которая вместе с остальными вещами Савичевых хранилась у Е. П. Арсеньевой в её квартире на Лафонской улице. “У тёти Дуси оставаться не хотелось, и Нина разыскала Беллу Велину – вторую жену Юрия (бывшего мужа сестры Жени), которая, со слов И. Л. Миксона, “работала переводчицей в штабе и жила, как многие другие военные и вольнонаёмные, на Литейном проспекте, в Доме Красной армии”. Она-то и познакомила Нину с майором Л. Л. Раковым”³⁰.

Лев Львович Раков был личностью в высшей степени незаурядной. Он с 1931 года работал в Эрмитаже, его не обошёл маховик репрессий (целый год – с 1938 по 1939-й – он провёл в одиночной камере по подозрению в участии в “контрреволюционной меньшевистской организации”). После снятия обвинений был восстановлен в должности учёного секретаря Эрмитажа, позже возглавил там отделение оружия и военного дела. В июле 1941-го добровольцем пошёл на фронт, воевал под Синявино, прорывал блокаду Ленинграда. Войну закончил в звании полковника.

В 1947 году Л. Л. Раков был назначен директором публичной библиотеки, но проработал в должности всего три года. В 1950 году во время кампании по борьбе с космополитами его повторно арестовали, приговорили к высшей мере наказания – расстрелу, который был заменён 25 годами тюрьмы с полной конфискацией имущества. Отбывал заключение Л. Л. Раков во Владимирской тюрьме. Его сокамерником был писатель и философ Даниил Андреев.

В этом должен быть промысел судьбы или воля Города, чтобы блокнот Тани Савичевой попался на глаза именно такому человеку, мгновенно оценившему его уникальность и ценность для истории. И «он предложил Нине поместить блокадный дневник в экспозиции выставки «Героическая оборона Ленинграда», в формировании которой он с конца 1943 года по поручению Политуправления Ленинградского фронта принимает активнейшее участие. <...> В декабре 1943 года Военным советом Ленинградского фронта было принято Постановление № 1823 о размещении этих выставок в Соляном городке в помещениях бывшего сельскохозяйственного музея, но уже с новым названием – «Героическая оборона Ленинграда»³¹. Это был первый шаг к созданию Музея обороны Ленинграда, который появится через два года, 27 января 1946 года.

Новый «музей» занимал весь комплекс зданий так называемого Соляного городка в квартале, ограниченном Соляным переулком, улицей Гангутской, набережной реки Фонтанки, улицей Пестеля. Отмечая масштабность музея и интерес к нему широкой публики, необходимо отметить, что, прежде всего, это был военный музей. И несмотря на то, что именно здесь впервые были представлены блокадные дневники и символ самого тяжёлого блокадного времени – зимы 1941/1942 – 125-граммовый кусок хлеба, главными героями экспозиции музея были не жители и защитники города, а коммунистическая партия и руководство страны»³².

Судьба музея сложилась трагично. Как учреждение культуры его ликвидировали в 1953 году. Его экспозиция была признана идеологически ошибочной, «извратившей ход исторических событий», и в 1949 году музей был закрыт.

Окончательно его уничтожили после распоряжения Совета министров РСФСР от 21 января 1953 года № 239-р. Исполкому Ленгорсовета было дано указание ликвидировать Музей обороны Ленинграда, фонды передать Государственному музею истории города Ленинграда.

А что же блокнот Тани Савичевой? С тех пор он и находится в музее истории Города. И в этом тоже есть определённая воля судьбы, предопределённость, – называйте, как хотите. Бесчисленные копии дневника разошлись по всему миру.

Бытует легенда, по которой блокнот Тани Савичевой явился одним из обвинительных документов на Нюрнбергском процессе. К сожалению, это всего лишь легенда, которая кочует из статьи в статью, включается в стихотворения, но оснований под собой не имеет. В 1961 году вышло семитомное издание «Нюрнбергский процесс», и Таниных записей в перечне обвинительных документов нет.

А Город не обманул. С тех самых пор, говоря о блокаде Ленинграда, мы вспоминаем маленькую девочку, похоронившую свою семью и умершую от дистрофии и болезней.

«19 мая 1972 года в Шатках на могиле Тани была поставлена небольшая памятная плита, а рядом по предложению местных школьников сооружён памятник, запечатлевший в металле страницы блокадного дневника на красной кирпичной стене, символически изображающей разрушенное бомбами здание. Этот проект предложил ученик девятого класса Дима Курташкин. И только через девять лет (31 мая 1981 года) на самой могиле был сооружён гранитный памятник с бронзовым барельефом – портретом Тани (скульптор Т. Г. Холуева, архитекторы Б. Ф. Холуев, Гаврилов). Позже рядом с кладбищем оформили площадь, на которой поставили памятник Матери-Родине, ставший композиционным центром мемориального комплекса. А неподалёку одну из улиц назвали именем Тани Савичевой»³³.

Чуть позже, после установки памятной плиты её именем назвали одну из малых планет Солнечной системы – астероид № 2127, открытый советским астрономом Людмилой Ивановной Черных 29 мая 1971 года. Международный планетарный центр утвердил названия новых планет, открытых советскими астрономами в 1980 году.

Так появилась планета **Таня**.

В этом есть элемент мифотворчества: одна во всей Вселенной, в бескрайнем чёрном космосе, как тогда, 13 мая 1942 года в своей квартире на Васильевском острове.

Будем честны: если бы Таня осталась жива, не получилось бы мифа; трагедия бьёт нас наотмашь только тогда, когда она полна и безысходна. И вновь

приходится вспоминать Фёдора Достоевского и его “слезинку одного ребёнка”, которого необходимо замучить для всеобщего счастья. Да будь проклято такое счастье!

За время блокады в Ленинграде умерли от голода и бомбёжек 632 тысячи человек. Такая цифра фигурировала на Нюрнбергском процессе. Но в неё не входят неопознанные блокадники, погибшие в черте города и умершие во время и после эвакуации.

Таня Савичева в эту статистику не вошла.
Она вошла в вечность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркова Л. Н. Блокадная хроника Тани Савичевой // Петербургская семья [электронный ресурс]. URL: http://old.spb-family.ru/history/history_15.html; обращение 1.02.2020.

² Там же.

³ Миксон И. Л. Жила-была... Историческое повествование. Л., 1991. URL: http://militera.lib.ru/bio/mikson_il_savicheva/index.html; обращение 1.02.2020.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Маркова Л. Н. Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Отчёт отдела народного образования. // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 170об.

¹⁰ Блокада Ленинграда. Эвакуация [электронный ресурс]. URL: <https://evacuation.spbarchives.ru/history>; обращение 1.02.2020.

¹¹ Газиева Л. Л. Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) // Клио. 2013. № 8(80). С. 63–66.

¹² ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 546. (1941–1941. Годовые финансовые отчёты Выборгского РОНО на содержание детских садов и детских домов за 1941 год). Л. боб.

¹³ Сводный финансовый отчёт Ленгорно. Об исполнении сметы по внебюджетным централизованным учреждениям за 1941 // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 545. (1941–1941). Л. 5. Отчёт подписан инспектором 30 июня 1942 г.

¹⁴ Эта память – наша совесть... СПб, 2007. С. 343.

¹⁵ Газиева Л. Л. Указ. соч.

¹⁶ Блокада Ленинграда. Эвакуация...

¹⁷ Миксон И. Л. Указ. соч.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Новый год в блокадном Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Архивы Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. URL: https://spbarchives.ru/newyear_4; обращение 1.02.2020.

²¹ Миксон И. Л. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Маркова Л. Н. Указ. соч.

²⁴ Миксон И. Л. Указ. соч.

²⁵ Маркова Л. Н. Указ. соч.

²⁶ Миксон И. Л. Указ. соч.

²⁷ Это Шатковский район Горьковской (Нижегородской) области.

²⁸ Маркова Л. Н. Указ. соч.

²⁹ Миксон И. Л. Указ. соч.

³⁰ Маркова Л. Н. Указ. соч.

³¹ Там же.

³² Музей обороны Ленинграда // Краеведь [электронный ресурс]. URL: <https://fotosergs.livejournal.com/103389.html>; обращение 1.02.2020.

³³ Маркова Л. Н. Указ. соч.